

Дели время между учёбой и друзьями. В жизни всё может пригодиться.

Правило гениального академика № 15

Вот зараза! И знал ведь, что в кузнечный цех иду, только почему-то выводов правильных не сделал. Когда первый раз паровой молот бухнул, не тот, что третьего дня рванул, другой, я подумал, что слуха навсегда лишился. И ведь до пробуждения памяти я на такие «мелочи» внимания не обращал... Точно говорят - кабинетная работа изнеживает...

Вот что стоило комок ваты для ушей раздобыть вместо того, чтобы просто так по городу шляться?

- Николаев! – возле наполовину оглушенного меня внезапно вырос гладко выбритый мужик в кожаной кепке. – Сегодня ты вместе с Горобцом и Шкодой будешь поковки для завода Красный Уралец шабрить. Они покажут, что там, да как. И, кстати, если еще не в курсах, я новым старшим мастером к вам в цех поставлен на место Трофимыча.

- Я к вам! – объявляю, приблизившись к двум своим друзьям. Шкода – это как раз Ванька, очень ему фамилия подходит, а Малыш, точнее Макар, соответственно, Горобец. Только его все от мала до велика Малышом кличут. Потому что большой очень, даже голову запрокидывать приходится, чтобы в глаза посмотреть, а в его лапищах всё выглядит крошечным, словно игрушечным.

Друзья фронт работ разъяснили, крича чуть ли не вплотную в ухо, иначе их слов не разобрать было. И как зовут нового мастера, сказали. Юхтин Игнатий Петрович, из огненных революционеров. Ревотряд самого Ленина! К нам на завод перекинули, чтобы трудовую дисциплину в цехах наладить. В общем, комиссарствовать прибыл да «Поднимать революционный дух и пролетарскую сознательность». Ну, это он на представлении его народу так доложил. Практически слово в слово. Слушая приятеля, я окинул взглядом просторы родного цеха. Пол – земляной, утоптаный до плотности камня (в прямом смысле), людей много, инструмент в основном ручной. Молоты паровые ухают, от бьющих кувалдами рабочих тоже долетает лязг и грохот, в дальнем углу несколько человек с матерком разливают из ковша раскаленный металл в формы. Словом, симфония трудовых будней.

Так, а теперь поковки. Для чего они должны были служить, я не знал ни своим прошлым сознанием, ни нынешним. Какие-то широкие клинья с плоской многогранной головкой. Раньше меня-Ваську такие подробности просто не интересовали, а в прошлой жизни я вообще с такими вещами в принципе не сталкивался.

Однако, я и в этой жизни не так прост оказался! Да, звезд с неба не хватал, но вот технические действия в своей зоне ответственности заучил до автоматизма и даже полноценного мастерства, отчего руки словно порхали по металлу.

- Черт! – вылетело само. Не люблю брака, а тут явный он. Снял неровности с поверхности, оставленные бойком кузнечного молота, а там трещина в глубине металла проходит.

- Чего нечистого попусту поминаешь? – Юхтин, наш новый мастер, тут как тут.

- Брак. Не люблю, – я кивнул мастеру на запоротую деталь.

- Так-так! – «Революционер» и до этого показался мне непростым работягой, а сейчас в нём будто что-то преобразилось, расправилось. Юхтин вдруг стал выглядеть... массивней что ли? – Ну-ка, клади эту штуковину на верстак да лицо отверни или глаза прикрой. Вас это тоже, кстати, касается. – Это уже в сторону отвлекшихся от своей работы друзей. – Не смотреть!

Сквозь прищуренные веки полыхнуло ярко, пожалел, что не отвернулся, как мастер советовал. Когда проморгался и огненные зайчики перестали в глазах прыгать, увидел на верстаке пылающую малиновым накалом деталь. Как раз по всей длине трещины металл локально проварился. Только теперь мне ее шабрить – не исшабрить. После сварки-то металл куда как тверже и неподатливей для инструмента делается.

- Ай, молодца! – вырвалось восхищенное. Всё же это первая наглядная демонстрация магии для обновленного меня...

- Во как!- принялись обсуждать приятели произошедшее на их глазах огненное колдовство. – Боевой маг! Видели, как металл от его огнешара потек?

А я принялся шабрить, пока до конца не остыло и не затвердело, попутно при этом размышляя: вот человек, способный к магии. Сможет ли он свои сверхсвойства детям по наследству передать? И если способен, то как передается такая наследственность? Через ДНК? Или же здесь есть какая-то мне неизвестная энергетическая надстройка? Ведь если дело в ДНК, то получается, что люди в этом мире радикально мутируют в пределах жизни одной особи? Кстати, а можно ли здешних вообще отнести к известному мне «Человеку Разумному», или они давно уже совсем другой вид?

Так увлекся борьбой с непослушным металлом, что не сразу обратил внимание на заводской гудок, провозглашающий обеденный перерыв. Шумы производства в цехе постепенно стихли, народ начал по компаниям разбредаться, чтобы потребить харчи, из дома принесенные. Вдруг все тот же Юхтин на один из верстаков с ногами вскочил и по всему цеху разнесся громогласный призыв:

- Товарищи! Минуту внимания! Я хочу выступить с политинформацией касательно международной обстановки, складывающейся вокруг нашего первого в мире государства рабочих и крестьян!

Может, это подло и низко, но на секундочку в душе шевельнулась тень злорадства. Обед я собой не припас, а раз так, то и другим тоже нечего тут лопать, вызывая у меня слюноотделение. Впрочем, все недобрые мысли сгинули в корчах, когда Малыш молча сунул мне в руки половину своего бутерброда. Так мы и слушали оратора, мерно шевеля челюстями. А хорошо выступает, «революционер-р-р-р». Даже поймал себя на мысли, что в самом деле захотелось помочь раскосым братьям из китайского Гоминьдана. Хотя бы чисто из вредности,

чтобы проклятая англичанка захлопнула фонтан своих наглых требований.

Эх, хорош бутерброд был, да только мал очень. Надо было его Малышу из цельной буханки делать. Как раз ему бы под размер. Но это я так, ворчу просто. Червячок голода на время притих.

- А у судостроителей-то, - Шкода тихо зашептал, чтоб слышно было только нам с Макаром, - столовая, говорят, открылась! Они теперь каждый день горячее по талонам рубают. Щи, макароны с котлеткой.

Приятель аж зажмурился от представленного удовольствия и громко сглотнул.

- Зато у нас к следующему году столовую-фабрику построить собираются на пять сотен мест! - в ответ зашептал Макар.

- Когда это ещё будет? А котлеток прямо щас хочется!

В этот момент наш политинформатор замолк, собираясь с мыслями и дыханием, а со стороны входа в цех громкий голос раздался:

- Товарищи, а что, проститься с погибшим товарищем никто из вас не желает? - Это начальник цеха, Иван Терентьевич Балашов заглянул, чтобы поторопить работников на прощание с телом мастера.

Все отвлеклись на голос руководителя, кто-то уже спиной к оратору, всё так же возвышающемуся над толпой рабочих, развернулся. И никто, кроме меня, не заметил, каким, полным явной неприязни взглядом, окинул Юхтин прервавшего его Балашова. Но вслух новый мастер ничего не произнес. Понятное дело, проститься с погибшим на производстве рабочим, да еще таким заслуженным - это святое!

И всё же, что это за подковерно-заводское противостояние я углядел?

Сразу после обеденного перерыва мы выдвинулись практически всем цехом на место прощания. Я, разумеется, в компании с Ванькой и Малышом потопал. Вышли за проходную, охранник на входе сосредоточенно сидел, пересчитывал выходящих. Даже пальцы загибал для надежности. Похоже, ему для отчетности необходимо. А я, признаться, думал, что вся эта бюрократия с бумажками только во времена Сталина началась, а до того полная анархия пополам с «демократией».

Прощание проходило во дворе красного кирпичного дома, стоящего недалеко от заводских территорий. В подобных зданиях мастера проживали да инженерный состав. А пролетариат - чуть дальше, в «бараках» попроще. Но тоже в шаговой доступности от производства. Оно и понятно - общественного транспорта ведь в этой части города еще нет. Сейчас от наших

районов только пара маршрутов трамвая к центру города проложено, но и те к заводам вплотную не подходят.

Трамваи – они ведь больше там, где госслужащие, конторы да лавки НЭПманские. Что почти сплошь в центре располагаются.... Так, это я отвлекся чего-то. Народ с покойным принялся прощаться, вдова и еще несколько пожилых теток в черных платках от этого расчувствовались еще сильнее. Вместе со всеми сделал подход к телу. Вроде опытный был человек Трофимыч, и чего он к тому паровому котлу полез?...

Гроб с телом погибшего водрузили на телегу, флегматичная лошадка пошагала вдоль по улице по направлению к кладбищу. Часть скорбящих двинула следом. Мы не пошли: нас родной завод дожидался. Впрочем, по пути туда я метнулся мухой в аптеку, - как раз мимо проходили.

- Простите, есть у вас в продаже вата?

Вата в аптеке была. За мои кровные двадцать три копейки, между прочим, двадцатик – серебряный, мне вручили увязанный в серую оберточную бумагу небольшой тючок размером чуть меньше моего кулака. Ну, хоть уши теперь останутся целыми.

Парней догнал, совсем недалеко ушли, вместе с остальным рабочим людом из нашего цеха протопали через проходную. Раздал вату, пояснил, зачем ее в уши засовывать. Другим помогать нужно, тогда они и в следующий раз бутербродами поделятся.

План на детали за смену не выполнили. Юхтин, записывая результаты подсчета сделанного, укоризненно покачал головой.

- Плохо, товарищи! С такими темпами мы коммунизм долго еще строить будем.

Хотелось ему ответить, куда он со своим несбыточным коммунизмом идти может, но промолчал. Мало ли, может в этом мире всё и получится? Вдруг недостающим элементом его быстрого достижения как раз магия выступает (это в моем прошлом мире коммунизм не положен был, ведь у нас волшебства не было). Тем более, что спорить по таким краеугольным темам и становиться на карандаш у непосредственного начальства совсем ни к чему. А мои товарищи эти слова так и вовсе практически индифферентно восприняли, только что плечами не пожали. Что плохого-то? Штрафы за невыполнение сменного задания вместе с царским режимом исчезли, а премию начисляют по итогам всего месяца, а не одного дня. Тем более, что и недовыполнили-то мы совсем чуть-чуть. Как раз того времени, что на прощание с покойным потратили, и не хватило.

Уже с завода выходили, когда Ванька, наш известный заводила, вдруг поинтересовался:

- Вы на встречу с Бухариным-то завтра собираетесь? – Точно, сегодня же конец рабочей недели, завтра выходной! А Шкоде что сказать? Впрочем, не дома же сидеть! Опять же, когда на личность, о которой раньше только в учебниках и читал, посмотреть смогу?

- Где встречаемся? – спрашиваю, а сам на Малыша поглядываю.

- А что, я как все, – басит тот.

В общем, где и когда встречаемся - договорились, и я рванул за закупками. Тут народ сейчас валом в бакалею с гастрономом повалит, чуть замешкаюсь - без хлеба рискую остаться, а после вчерашнего это чревато. Мать ведь не только без обеда оставить может. Опять же, самому будет сильно неловко так семью второй день подряд без припасов оставлять.

За хлебом я успел. Ароматный, с поджаристой корочкой, аж слюнки потекли. В прошлой жизни ни за какие деньги такой хлеб купить не смог бы... Дело в содержании белков в зерне - к 21 веку оно серьёзно упало. И вкус хлеба (и запах) стали совсем другими. А тут я прям нарадоваться не могу...

В соседнем отделе купил три бутылки молока и пару фунтов манной крупы. Сенька манную кашу очень уважает, да и Катюшке в прикорм ее уже начали давать. Ну, а молочная посуда и мне потом сгодится, с собой молоко на работу таскать. Так-то чаще мы у соседей берем, у которых корова в сарае во дворе стоит. О! А тут еще и бочка с солёной селёдкой. М-м-м!!! Всегда уважал эту рыбку!

И наступило утро! А вместе с утренним солнышком с рейса вернулся отчим. Значит, я все правильно сделал, когда с парнями о походе на сегодняшний митинг договорился. Нет, как уже говорилось, отчим человек не плохой, ни в коем случае! Он... обычный. Просто, когда он дома, к нему прижимаются мать и Сенька, и мне в этом кругу радующихся друг другу людей не остается места. Точнее, мне-Ваське так всегда казалось. Сейчас же вижу, что ничего такого и в помине нет. Григорий, как на пороге появился, крепко всех обнял да гостинцы раздал. А дальше за стол сели да праздновать «воссоединение семейства» принялись. Смотрел я на всех, умиляясь и радуясь, что у меня есть семья. И уловил, как затихают отголоски Я-Васиной глупой ревности. Вот и славно! В общем, посидел я со своими полчаса, позавтракал. А потом срулил к друзьям-приятелям...

Улица в это воскресное утро выглядела по-праздничному. Углы и балконы некоторых домов украсились кумачом. Ближе к центру всё больше красных знамен становилось. Люди на улицах выглядели более степенными и ухоженными, чем в будни, явно поутру перетряхивали сундуки да вытаскивали на свет Божий самые яркие наряды. Я хорошо помню, как даже Первомай много кому в тягость стал, а тут приезд Бухарина - и все в пляс. И непонятно, то ли предводителей революции здесь так любят, то ли народ просто поводом для праздника воспользовался. Наверное, всего понемногу...

А люди не просто нарядились, они улыбались и друг с другом здоровались. Даже совсем незнакомые. Со мной тоже несколько раз перекинулись: «Здрасти» и «Доброго утречка». Вот ведь! Куда все это делось в двадцать первом веке?

Парней на углу первой Приречной и Пролетарской прождал совсем недолго. Очевидно, и им дома не сиделось. Встретились, степенно пожали друг другу руки и, не торопясь, вразвалку

направились по направлению к Парижскому мосту. Вот так, самого Парижа в наших краях нет, а мост чугунный есть. Рассказывают, он в самом деле с какой-то выставки в Париже перед самой войной привезен.

На выходе с моста на той стороне дорогу нам перегородили пятеро:

- Какие люди! И без охраны! И что это заречным в нашем районе понадобилось?

Вот зараза! И погода такая чудесная! Драться в этот светлый день вот совсем охоты нет.

- Не замай! – вперед выступил наш Иван. – Мы на пролетарский митинг по случаю приезда товарища Бухарина идем.

В глазах противников вспыхнули сомнения. Один из них сказал нас остановившему:

- Петруха! Они в своем праве. Нам бы тоже надо пойти. Товарищ Бухарин это...у-у!

И соперники подались в стороны, пропуская нашу троицу. А мы, никуда не спеша, двинулись дальше. До митинга еще часа три, наверное, а нам идти от силы час или полтора.

А нарядного народа на улице все больше. Это у нас, на той стороне - заводская окраина, а тут центр, господская часть до революции. Впрочем, и сейчас тут многие господами выхаживают. Вон пара мужчин с тросточками возле мануфактурной лавки стоят, переговариваются. Очевидно, их дражайшие половинки внутри ткани для нарядов выбирают. Малыш вдруг сплюнул прямо им под ноги, еще и глянул вызывающе. Один из франтов даже шаг по направлению к нам сделал, но другой его за руку удержал. Разошлись, что называется, краями.

- Малыш, ты совсем без ц-ц-царя в голове! – раз Шкода заикаться стал, значить струхнул, с ним бывает. - Это ж клановые! Они бы от нас мокрого места не оставили!

- Ненавижу их! Из-за них мать с двумя сестренками мелкими погибла в девятнадцатом.

- Не факт! – Рассудительно отозвался Ванька, неплохо знавший историю. – Ведь были наши, «Беляки», просто банды. И все, кто мог, друг в друга пуляли. Белые, красные, местные кланы Гороховых и Туктамышевых. Как узнать, кто заклятье кинул?

- О! Семечки! – это я «изящно» друзей решил отвлечь от тягостных мыслей. Выкрикнул и пошел на противоположную сторону улицы.

Еще в прошлой жизни помню, точно такие же старушки на улицах семечками торговали. За стакан пятнадцать копеек просили. А мы, тогда мелкие сорванцы, все норовили запустить в

мешок руку бесплатно.

- Почем товар? – спрашиваю. Дружки тоже заинтересовались, за мной подошли.

- Таким красивым парням по пятаку за стаканчик продам, – отвечает бабулька. А стаканчик у нее знатный. Не граненый какой-нибудь, а с витым узором и портретом генерала на белой вставке в форме щита.

Протянул пятак, подставил карман. Следом за мной и друзья этим дешевым развлечением затарились.

- Вот у нас выходной, – вдруг заметил Иван, – а для этой бабули самая рабочая смена. У нее, когда у народа праздники – самый клев.

Тут он прав. Это словно скрепляющее звено нашего общества. Во все времена, в обоих мирах видел я таких вот приторговывающих бабок. Порой кажется, что стоит людям на Марс высадится, выйти из ракеты, а там их у трапа такая старушка-лоточница ожидать будет со своим «Милок, купи семечек! По двадцатке за стакан. Дешевле не отдам! Дефицит, да и хранить в здешних условиях сплошная морока!»

- Еще такие старухи стоят вечером возле площадки для танцев, – вклинился Малыш, вырывая меня из фантазий.

- Да что там с тех танцев? Пьянь и шантрапа все бесплатно хапают. А тут центр, порядок. Стоит кому-нибудь старушку обидеть, мигом закричит, милиционера позовет. Потому чинно, мирно все.

Это да. Сам припоминаю, как боялся милиционера в детстве. Хотя, казалось бы, с чего? И вряд ли кто вспомнит, чтобы дяденька милиционер что-то сделал ему эдакого. А гляди ж ты. Таки генетическая память у пацанов, еще от прошлых поколений оставшаяся.

М-да. Генетическая.... Тоска накатила. Тут и слова то такого не знают. А потом, когда узнают... Генетика – продажная девка империализма! А ведь я в прошлой жизни просто из кожи вон лез, чтобы разгадать генетический код старения, научную школу создал. Для ученого мира Николаев – это не только денежный мешок из журнала Форбс, но еще и исследователь, который эту тему в серьезных научных трудах развивал. Спросите, нафига мне это надо было? Если изменения можно внести в геном эмбриона на сроке буквально даже не дней, а часов? А чтоб было! Хочу, знаете, чтобы у моих правнуков появился шанс прожить подольше.

- О, смотрите, и Глейзер с подружками пришла! – с энтузиазмом вскинулся Ванька.

Я принялся башкой вертеть, пытаюсь выглядеть среди заметно уплотнившегося людского потока знакомые фигурки. Не Глейзер, по ней вон, наш Иван Шкода сохнет. А рядом с Нинкой

Глейзер почти наверняка Грушка Афиногенова где-нибудь рядом ошивается. Подружки они, что называется, не разлей вода. Вот на нее бы я смотрел, не отрываясь. Ага! Вон они вышагивают! И ведь как чинно-важно у них получается! Вроде просто так идут, а мужики следом, под ноги смотреть забывают, загипнотизированные мерной подвижностью полушарий. Ну, и мы в ту кучку мужичков, заинтересованных разгадкой этого вселенского секрета, влились.

Так бы шел и шел, не останавливаясь. Да только пришли уже до места вскоре. Парк, бывший губернаторский. В центре того парка с начала времен площадь была. Небольшая совсем, а на ней одинокая скала высилась, с клановым алтарем местной ветви Вайсбергов у подножия. Губернатор с прочими родичами там и ритуалы с обрядами регулярно проводили. Вот вокруг той бывшей скалы народ нынче и собирался. Почему бывшей? Так года с три назад Новофирканский Совнарком постановление принял, чтобы превратить эту скалу в Монумент Революционного Пламени.

- Красиво! – выдохнул Ванька, и Малыш согласно закивал головой. Мы, как жители заводской заречной стороны, старались без нужды не переходить мост, поэтому до сего дня этого масштабного сооружения ни разу не видели.

Я промолчал, лихорадочно пытаюсь припомнить, что же мне эта полированная ступенчатая пирамида с плоской вершиной напоминает? Пирамиды тут на каждом шагу, но именно эта? Пирамиды майя и ацтеков? Близко, но немного не то. Пирамида Джосера в Египте? Еще дальше. И тут как пронзило: да мавзолей это! Только огонь на вершине с толку сбивал. На ленинском мавзолее огромного факела не наблюдалось. Впрочем, в том мире у Ленина и магии огненной не было. Точнее, магии пламенного сердца, как говорят, когда о вожде и его верных соратниках речь заходит. Но таки да, действительно красивое и величественное сооружение на месте скалы получилось. Собственно, Бухарин и должен был прибыть на торжественное открытие этого внушительного памятника революционного зодчества.

И чего мы сюда так рано приперлись? Судя по положению солнца на небосклоне, до назначенного времени еще часа два остается. А народ все прибывает! Скоро уже всю площадь вокруг «мавзолея» заполнит. Кто-то, пока официальная часть не началась, на гармони принялся наяривать, а остальные ему подпевать стали. Вон дедок в потертой шинели из-под полы к чекушке приложился, отчего по хребтине получил от благоверной, что тут же рядом стояла... Кто-то даже в пляс пуститься попробовал, да только места уже для такой активности маловато. В общем, наблюдая за толпой, понял, что народ пришел за праздником, правда не у всех настроение «отдыхательное» было. По самому краю площади, где заканчивалась брусчатка, переходя в газон, топчутся небольшими группами совсем юные ребята (ну как «юные», как раз моего возраста и чуть старше). Прутики-саженцы деревьев в лунки прикапывают, парк «омолаживают». Лица серьезные – видно, что люди делом заняты, пока остальной народ гуляет. Ага, вижу, между двумя липами в глубине тряпица кумачовая: «Комсомолец, пусть город твой расцветет!»